

Н. Ю. Костюрина
N. Yu. Kostyurina

М. С. УВАРОВ «ТРЕТЬЯ ПРИРОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ». – СПБ.: ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРЬ. УН-ТА, 2012. – 252 С.

M.S.UVAROV, «TRETJA PRIRODA: RAZMYSHLENIYA O KULTURE I CIVILIZACII».- SPB.: IZD-VO S.-PETERB. UN-TA, 2012. – 252 S. (The Third Nature: Reflections upon Culture and Civilization. – St.-Petersburg University Press, 2012)

Монография Михаила Семеновича Уварова, доктора философских наук, профессора кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, посвящена (как следует из аннотации) анализу «актуальных тенденций изучения современной культуры и цивилизации», осмыслению проблем, связанных с развитием современной цивилизации, перспектив и предпосылок ее трансформаций, т.е. актуальному, но, в целом, привычному уже кругу вопросов, что подготавливает нас к столь же традиционному алгоритму исследовательского поиска в проблемном поле между культурой и цивилизацией и в категориях постшпенглеровской культурологии.

Читателя, знакомого с работами М. С. Уварова, структура книги, включающая главы «Постмодернизм и культура», «Русский коммунизм как постмодернизм», «Ежик в тумане, или Похороны Винни-Пуха», «Русская философия искусства», отсылает к ряду известных монографий и статей автора (см. прим. 1).

Однако первое впечатление от издания, представляющегося текстом, обобщающим исследования разных лет, парадоксальным образом разрушается автором уже на первых страницах. Даже безобидный термин «третья природа», фиксирующий, как правило, представления о социокультурной либо виртуальной реальности, вдруг оказывается означаемым мира культуры, «особой внеположенной человеку реальности»; виртуальная же реальность в этой новой системе координат подводит нас к идее «четвертой природы», коррелирующей в определенном смысле с концепцией «постчеловеческой реальности» (с. 5).

Признание за культурой «относительно независимого статуса», своих собственных законов развития, необходимости опоры на особую методологию в ходе ее анализа (заметим, все еще достаточно редкое для философского дискурса) оказывается важнейшим для авторской концепции в целом.

Современная культурная ситуация тематизируется М. С. Уваровым как «глобальный кризис пространства духовного опыта» (с. 6), кризис «традиционного проекта человеческого существования» (с. 18), кризис «постмодернистической идеи» (с. 125), кризис идеи светского гуманизма (с. 184), кризис гуманитарного знания о человеке и философского мышления в целом (с. 24). Собственно, весь текст выстраивается как последовательный анализ форм и причин этого кризиса, учет его последствий, поиск возможного выхода.

Первая часть «Культура и коммуникация» открывается темой «Языки философии в эпоху глобализации», анализом современных задач философии, ее роли в качестве «медиума» между богословием, филологией, психологией, искусством, медициной и т.д., что предполагает открытость к различным языкам коммуникации.

Автором рассматриваются коммуникативный, антропологический, метафизический и «виртуальный» элементы «третьей природы», но очевидно, что антропологический ракурс задает ключ к пониманию всей философско-культурологической концепции, ставит в центр внимания проблему специфики человеческого бытия.

Главный вопрос – как возможно существование человека в современном мире? Что приходит на смену утраченным ценностным ориентирам – «парадоксальные формы обновленного религиозного сознания», установка на самостоятельность человека в мире, поиск понятных моральных ценностей прошлого или что-то иное?

Костюрина Н. Ю.

М. С. УВАРОВ «ТРЕТЬЯ ПРИРОДА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ». – СПб.: ИЗД-ВО С.-ПЕТЕРБ. УН-ТА, 2012. – 252 С.

Проблема деструктивности современного человека рассмотрена в контексте развернутого историко-культурного анализа от руссоистского призыва к естественности до концепций критики культуры рубежа веков с характерным противопоставлением «ужасов естественных желаний человека» и страданий, причиняемых человеку нормами современной цивилизации; от «крушения витальности», отчуждения западноевропейской культуры от жизненных истоков до проблемы массового человека XX столетия.

Автор задает уровень анализа, принципиально далекий от современных исследовательских практик, сводящихся зачастую к механическому суммированию разрозненных знаний или к выводам на основе количественных измерений, видя «подлинное назначение философии в исследовании природы человека [...] в принципиальном непроставлении всех точек над «і», в чутком реагировании на культурно-философские интонации «возможного» (с. 20).

Вторая часть «Третья природа» и постмодернизм» – это исследование предпосылок становления постмодернистской цивилизации и ее преодоления, даже, видимо, трансформации постмодернистской культуры в постмодернистскую цивилизацию. В аксиологическом аспекте постмодернизм осмысливается как антиглобалистский проект, парадоксально родственной «русскому коммунизму». Авторское прочтение «текста постсовременности» включает и анализ условий появления тоталитарных режимов, и анализ способов восприятия нашей собственной истории. Современная отечественная посткоммунистическая идеология характеризуется через диссонирующий синтез разных форм ценностных ориентаций, причем «сочетание несочетаемого становится фактом, а стирание границ происходит как никогда раньше в истории незаметно и неизбежно».

Третья часть книги «Интеллигенция: семиотика повседневного» посвящена анализу типа русского человека, главное содержание жизни которого – идея служения: обществу (если речь идет об интеллигенции), науке (если речь идет об ученом), мученике (если анализируется религиозная/православная традиция). Образы сподвижника или мученика одинаково связаны с идеей страдания и исповеди, а «философский аспект проблемы мученичества оказывается проблемой человеческой свободы и ответственности перед неизбежностью бытия» (с. 208).

Категория исповеди оказывается одним из важнейших концептов авторской аксиологии, осмысливается в контексте религиозной традиции, религиозной философии искусства, становится «прорывом к единению» и взаимопониманию, условием преодоления одиночества, связанного с осознанием человеком собственной греховности. «Величайшая потребность современного человека (и не только современного) заключается в том, чтобы быть услышанным» (с. 219), – пишет М. С. Уваров, говоря о роли исповеди в религиозной практике и русском искусстве, утверждая, что «исповедь и мученичество – как любовь и разлука – проясняют суть многих трагических страниц нашей недавней истории» (с. 223).

Эти размышления об исповедальности русской культуры возвращают нас к проблеме понимания, заявленной на первых страницах книги: «Одним из важнейших аспектов коммуникативной поликультурности вступает умение слушать оппонента, не изымая из практики интеллектуального общения «чуждые» культурные парадигмы, умение ответить на критику и принять критику своей точки зрения как необходимую и продуктивную» (с. 13). Умение слушать и слышать оказывается на противоположном полюсе от идей (политических или научных), основывающихся на попытке монополизации истины, еще раз актуализируя оппозицию тоталитаризма/христианства.

Такая постановка проблемы выводит автора на уровень проникновения в сущность явлений, практически невероятный для современного рационализованного мышления, но легко обнаруживаемый на грани художественной практики и религиозной философии, потому что Уваров, конечно, религиозный философ в том глубоком и трагическом значении собственного пути познания смыслов бытия, принципиально далеком как от «механистичности»

сегодняшнего гуманитарного знания, так, по-видимому, и от институциональной рехристианизации России, от апологетики института церкви.

Книга, конечно, больше ставит вопросов, нежели дает ответов, но, видимо, и цель своей работы автор видит, вслед за Фуко, в том, чтобы «заново вопрошать очевидности и постулаты, сотрясать привычки и способы действия и мысли, рассеивать то, что принято в качестве известного, заново переоценивать правила и установления и, исходя из этой репроблематизации (где он отправляет свое специфическое ремесло интеллектуала), участвовать в формировании некоторой политической воли (где он выполняет свою роль гражданина)». Вот эта задача со страстной эмоциональной и интеллектуальной напряженностью и решается в тексте.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. М. Уваров. Бинарный архетип. – СПб., 1996; М. Уваров. Архитектоника исповедального слова. – СПб., 1998; М. Уваров. Поэтика Петербурга. – СПб., 2011 (Монография, получившая премию «Вторая Навигация» Санкт-Петербургского философского общества за 2011 г. в номинации «За лучшее исследование по философии 2010-2011 гг.»); М. Уваров, А. Щербаков. Наследие преподобного Иосифа Волоцкого в истории русской культуры. Монография. ФРГ, Lambert, 2012; М. Уваров. Советско-российский опыт семиотики повседневного // Вопросы культурологии. – 2007. – № 11. – С. 12-17; М. Уваров. Культурная коммуникация в эпоху глобализации // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. – Том 4: Культурная политика. – СПб.: Изд-во «Алетейя» 2008. – С. 379-388 и др.